

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ: НОВЫЙ «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И А. И. КУПРИНА

Я. О. Дзыга

Московский городской психолого-педагогический университет

Поступила в редакцию 11 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу рассказов «Негласная ревизия» А. И. Куприна и «Патока» И. С. Шмелева с позиций художественного изображения «маленького человека». В ходе исследования автор выявляет не только общность прочтения известного образа, но и различия, обусловленные особенностями творческих установок писателей. Исследование позволяет говорить о новом типе «маленького человека».

Ключевые слова: И. С. Шмелев, А. И. Куприн, сравнительный анализ, «маленький человек», литературная традиция, реализм.

Abstract: the article deals with comparative analysis of the story «Secret inspection» by A. I. Kuprin and «Treacle» by I. S. Shmelev, from the standpoint of artistic understanding of them of the image of “a small man”. In the study, the author reveals not only commonalities in the famous image in the two writers, but also the differences in reading this thread, due both to the features of products artists. The research allows us to talk about the new type of the image of “a small man”.

Key-words: I. S. Shmelev, A. I. Kuprin, comparative method of inquiry, “a small man”, literary tradition, realism.

Укорененное в реализме XIX века, творчество И. С. Шмелева и А. И. Куприна по-своему развивает традицию изображения «маленького человека». Открытый А. С. Пушкиным и получивший широкое распространение в практике натуральной школы известный литературный тип был активно воспринят авторами рассказов «Патока» (1911) и «Негласная ревизия» (1894). Написанные с разницей без малого в два десятка лет, произведения Шмелева и Куприна обнаруживают не только большой литературный потенциал классического образа, но и намечают пути обновления традиции. Рассказы роднят тема, сюжетно-композиционная схема, образы, приемы их построения. В то же время произведения представляют собой примеры неоднозначного прочтения образа «маленького человека», внутренняя тенденция которого ведет от классической русской литературы к художественным открытиям модернистских литературных систем.

На генетическую связь с Пушкиным указывают имена главных героев «Патоки» и «Негласной ревизии». Податной инспектор Белкин у Шмелева и «многообещающий молодой человек» Иван Петрович из рассказа Куприна не только прямо обращены к «автору» «Повестей Белкина» (1830), но также служат отсылкой к узнаваемой литературной традиции. Можно предположить, что подключившийся к ней спустя семнадцать лет после Куприна, Шмелев выбором имени своего героя сознательно усилил переключку с произведением современника.

Темы обоих рассказов сходятся в одном сюжете, повествующем о служебной поездке чиновников средней руки в глухие места провинциальной России для выявления финансовых злоупотреблений. Этот «эффектный» для героя Куприна и «удобный» для персонажа Шмелева случай связан в сознании героев не только с объективной служебной надобностью («восстановить нарушенную идею справедливости и порядок» [1, 157]), но и с тайным желанием напомнить о себе начальству. Купринский Иван Петрович, и без того пребывающий под «особенным покровительством судьбы», надеялся «окончательно завоевать будущее» благодаря редкому умению «ларировать между оглаской и правосудием». «Надо же, наконец, создать мало-мальски приличное положение и выбраться из глухой дыры!» [2, 496] – мечтал герой Шмелева, которому третий год обещали перевод в губернский город.

«Щекотливое дело» в обоих рассказах связано с анонимным доносом, раскрывающим злоупотребления на производстве. Однако внешняя канва сюжета двух произведений играет вспомогательную роль, представляя повод для пристального всматривания в облик «маленького человека». Внутренние движения, порожденные служебными хлопотами, а отнюдь не ход и результаты деловой поездки находятся в центре внимания писателей.

Честолюбивый герой Куприна, ничего не смыслящий в проверке финансовых документов, полагал, что знание людей – «громадное преимущество в руках того, кто им умеет пользоваться»: «Иван Петро-

вич слышал, что есть на свете двойная и итальянская бухгалтерия, слышал также, что слово «транспорт» пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальше его сведения по этой части не распространялись» [1, 158]. В отличие от него, податной инспектор Белкин хорошо знал свое дело. Отчетливое представление о его работе дает упоминание о проверке счетов, выявлении злоупотреблений и составлении протоколов. Профессионал и трудяга Белкин по всем пунктам противостоит выскочке и щеголю Ивану Петровичу.

«Патока» изобилует подробностями изображения крахмального производства, включающими описания заводского двора, главной конторы, рабочих, условий их труда. В то же время из рассказа Куприна нельзя заключить, о какой сфере деятельности идет речь. Можно предположить, что интерес Шмелева к подробностям работы податного инспектора носил автобиографический характер.

Прочие сюжетные составляющие рассказов Куприна и Шмелева обнаруживают поразительное сходство. Вынужденное общение с предприимчивыми хозяевами в уютной, роскошной обстановке господских домов в обоих случаях оборачивается позорным поражением проверяющих, вынужденных закрыть глаза на финансовые махинации новых хозяев жизни. И в «Негласной ревизии», и в «Патоке» это обстоятельство характеризует не так результаты служебной поездки, как внутренний мир «маленьких людей», для выражения которого Куприн и Шмелев используют схожие художественные приемы.

Мотив дороги, путешествия не только организует внешнюю канву повествования, но и задает ему тон. Длительная, утомительная поездка самым неблагоприятным образом повлияла на деловой настрой героя Куприна: «...Первые сутки дороги Иван Петрович был только справедлив, но на вторые благодаря тряске и утомлению он стал и озлоблен. Неизвестный Персюков сделался его личным врагом, подлежащим немедленному и самому жестокому распеканию» [1, 158].

Податной инспектор Белкин добрался до последнего пункта деловой поездки – «затерянному в полях паточному заводу» – совершенно разбитый дорогами, заботами, сухомыткой и тоской по дому. Новость о скарлатине и перспектива провести утомительный день на затерянном заводе вызвали грустные мысли о десяти годах «поганой» жизни и зыбких надеждах на переезд в губернский город. Тягостное впечатление от места назначения дополнял мрачный пейзаж, соотносимый с восприятием и внутренним состоянием Белкина.

Встреча героя Куприна с Персюковым и знакомство персонажа Шмелева с безымянным инженером-заводчиком дают толчок дальнейшему развитию действия, определяют расстановку сил и характер отношений между героями. Новым хозяевам жизни в обоих случаях определена роль искусителей, хитро-

стью и коварством склоняющих ревизоров к нарушению служебных обязанностей. Значение мотива встречи в «Негласной ревизии» и «Патоке» не исчерпывается фактом знакомства, психологический рисунок которого обнаруживает несомненное сходство, так что аналогия напрашивается сама собой.

Герой Куприна, приготовивший для делового свидания мину, как на лице своего генерала, оказывается быстро «сбитым с точки» напором инициативного и умного Персюкова. Предприимчивый хозяин с первых слов овладевает ситуацией, подчиняя себе и без того не очень самостоятельного героя. Намеки на встречу в Петербурге, «сладкий», но уверенный «натиск» не оставляют проверяющему ни малейшего шанса «осадить» и «обрезать»: «Иван Петрович махнул рукой и предал себя мысленно судьбе» [1, 159].

Встреча персонажей в произведении Куприна только на первый взгляд кажется неожиданной. Судя по всему, «бестия» Персюков был предупрежден о проверке и его «прогулка» на вокзал была далеко не случайной. Секретность поручения оказывается иллюзией, оттеняющей двусмысленность ситуации и грубое притворство героев. Контраст видимого и скрытого, заданный названием рассказа, оказывается доминантой художественного мира произведения.

Встреча податного инспектора с заводчиком в рассказе Шмелева состоялась при других обстоятельствах. Если лишенный всякой инициативы герой Куприна вяло и неохотно вспоминает о делах и прямо с вокзала отправляется к Персюкову передохнуть после дороги, то Белкин начинает проверку энергично и профессионально. Не случайно личное знакомство с инженером происходит в обстановке заводской лаборатории. Как и герой Куприна, инспектор Шмелева смущается встречей, интеллигентный и богатый вид хозяина его настораживает. Озадаченный знакомством, Белкин тем не менее помнит о деле, честно проверяет счета и не обольщается по поводу инженера, мысленно уличая его во лжи и притворстве. Однако трапеза в уютном доме хозяина оказывает на Белкина примерно то же действие, что и обед Ивана Петровича в обществе Персюкова и его жены. Расхождения в решении сюжетных ситуаций обусловлены характерами героев, оттеняющими главную тему произведений.

Обстановка богатого дома Персюкова, изысканные блюда и напитки «скромной трапезы» постепенно заглушали «неподкупную совесть» героя Куприна: «С каждым глотком душистой влаги Иван Петрович чувствовал, как в груди его таяло справедливое негодование и умолкали грубые перуны» [1, 161–162]. Поэтому сделка с совестью далась незадававшемуся ревизору без особых усилий. Это оказалось тем легче, что ловкий приспособленец, склонный к рисовке и подражанию, Иван Петрович не имел ни твердых принципов, ни собственной точки зрения. Супругам Персюковым без труда удалось разжечь низкие стра-

сти героя. Томные рассуждения Валентины Сергеевны в полумраке каминной о пренебрежении общественным мнением и забвении долга были восприняты героем как сигнал к действию. Отрезвление пришло вкупе с позором и горьким сознанием того, что его «околпачили»: «Чувство стыда возрастало в несчастном Иване Петровиче, принимая невыносимые размеры. [...] Он уже давно в уме решил плюнуть на всю эту дурацкую ревизию, где он держал себя таким подлым образом» [1, 170].

Неудавшаяся проверка закончилась позорным бегством героя из дома Персюковых, где горе-ревизор оставил анонимный донос, послуживший поводом к деловой поездке. Однако не так невыполненное поручение, как оскорбленное самолюбие и потеря «эффектного случая» причиняют герою страдания. «Сладость самобичевания» вылилась в нервную тираду, обращенную к жене Персюкова: «Скажите еще вашему мужу, прекрасная Клеопатра, – воскликнул он голосом, в котором дрожали сдержанные рыдания, – пусть он ежедневно благодарит создателя за то, что напал на такого пижона, как я; иначе ему пришлось бы очень плохо...» [1, 171].

Подобно тому, как это было в рассказе Куприна, ухоженный, уютный дом инженера и роскошное угощение действуют на измученного усталостью и голодом Белкина расслабляюще. Здесь тот же чай с коньяком у камина в полумраке гостиной и поражающая воображение провинциального чиновника трапеза. Даже нигилистические высказывания инженера о презрении общественных установлений могут быть сравнимы с искушающими речами Валентины Сергеевны, однако связь шмелевского героя с литературной традицией пролеживается гораздо более выразительно. Некоторые слова инженера можно расценивать как прямую отсылку к образу Базарова: «Жизнь строит всякий, кто действует. Дей-ству-ет! Га! Принципы? Чертова пропасть красивых слов! Самопожертвование, «наш меньшей брат», ничего не говорящее, пустозвонное слово – идеалы! Одеяды!» [2, 505].

Как и Персюков из рассказа Куприна, шмелевский инженер для достижения своих целей не гнушается ничем, с легкостью преступая моральные нормы. Если герой «Негласной ревизии» намекал Ивану Петровичу на давнишнее знакомство в Петербурге, то персонаж «Патоки» как бы ненароком упомянул о троюродном дядюшке, чиновной шишке по фамилии Петров. «...Какой же это Петров? Два Петрова... один – вице-директор...» [2, 518] – терялся в догадках податной инспектор, но не забывал при этом отмечать неоплаченные счета и прикидывать размер штрафа.

В отличие от купринского Ивана Петровича, Белкин Шмелева – герой совсем другого плана. Ни поступаться убеждениями, ни забывать о долге он не склонен. Усталый и голодный, герой тем не менее помнит о деле, знает цену словам и заверениям хозяина. Все-

мый, непринужденный тон инженера не обманывает опытного инспектора. «Зацепило», – отмечает про себя Белкин и понимает, что может разорить.

Однако показное радушие и дружеское расположение заводчика заставляют проверяющего чувствовать себя неловко: «Белкин совсем сконфузился. Стало стыдно мелких подозрений, стало даже досадно, что так старался, помучил человека, испортил настроение, а тому как с гуся вода. Еще великодушничает» [2, 514]. «...Чертовски глупое положение...» [2, 517] – заключает разомлевший в тепле и сытости герой. Окончательно расположившись к «приятному человеку», Белкин не только делится с ним мечтой о переводе, но и, скрепя сердце, закрывает глаза на отсутствие главных счетов и даже отказывается от намерения писать протоколы. Иллюзия «приятельских» отношений рассеялась сразу по расставании, когда забывший портфель Белкин почувствовал, что его «точно вытолкнули». Обольщение сладкими речами в рассказе Шмелева разрешается художественной формулой «обсахарился», вполне соотносимой с «околпачиванием» у Куприна.

Талант бытописания, одинаково присущий обоим авторам, раскрылся в максимальной детализации предметного мира, выполняющего преимущественно характерологическую функцию. К примеру, Куприн и Шмелев не жалеют красок, живописуя съестное изобилие хозяйского обеда. В «Негласной ревизии» трапеза состояла «из жареных устриц, бульона с какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрины, дичи и замечательной толстой белой спаржи» [1, 161]. Герой Шмелева, в свою очередь, за столом успел отведать «и сардин в сбитом сливочном масле, и ветчинки, прожаренной в сметане, и нежной, нарезанной широкими пластами лососины» [2, 515]. Роскошная трапеза в первом случае завершается кофе, ликером и сигарами; во втором предваряется чаем, коньяком и дорогими сигарами.

«Домашние пенаты», – объясняет Персюков смягчающее действие атмосферы его дома на Ивана Петровича, наблюдая за реакцией героя из тени пальм. При этом обстановка хозяйской усадьбы, построенной «согласно с требованиями разумного и долговечного комфорта», напоминает убранство соснового дома шмелевского инженера. Совпадают даже такие детали, как камин, граммофон и рояль.

Помимо значимых предметов интерьера, важную характерологическую функцию в обоих произведениях выполняют ароматические образы. Запахи в «Негласной ревизии» немало способствуют позору героя, пробуждая в нем запретные плотские инстинкты. Сам Иван Петрович склонен связывать собственные душевно-телесные движения с располагающей атмосферой. «А главное – это обстановка, – рассуждает окончательно расслабившийся герой. – На дворе ни светло, ни темно [...]. В комнате пахнет так хорошо [...], немного духами, немного лаком

и деревом от рояля. Тепло, полутьма, и дремлет, и вспоминается что-то, и куда-то манит, ждешь чего-то неизвестного...» [1, 163].

Обонятельные образы сопровождают описание наиболее значимых моментов деловой поездки героя Шмелева. Грубый, «едкий» и «вязкий» запах серной кислоты на заводском дворе сменяется приятным ароматом молодой березовой рощи, расположившейся неподалеку от хозяйского жилища. Пребывание Белкина в доме инженера от начала до конца сопровождается ольфакторными впечатлениями, которые усиливаются мотивами усталости, голода и жажды свежего воздуха. Симптоматично, что обонятельные образы не просто сменяют, но подменяют друг друга, и тогда запахи, наполняющие дом, семантически почти не отличаются от «знойного дыхания» заводских помещений: «Чем-то скверным пахло в комнате. Этот-то запах и мутил. Он шел от небранного провансаля с омарами, от сигары инженера, от груды окурков из пепельницы, смоченных из рюмки. [...] Запах стоял едкий, вязкий» [2, 520]. Сходно и действие томящих запахов. «Я бы на воздух...» [2, 520] – едва сдерживает отвращение шмелевский герой. Мотив свежего воздуха в рассказе выступает мерилем душевных страданий героя, в то время как негативная семантика обонятельных впечатлений отражает его моральное поражение.

В обоих рассказах ольфакторные образы, наряду с другими предметными деталями, оттеняют движение сюжета и эволюцию героев. Не последнюю роль в этом играют портретные характеристики персонажей. Выражение глаз, улыбка, интонации голоса выдают истинные намерения хозяев жизни, и только неразборчивость ревизоров, вызванная пустотой и себялюбием, с одной стороны, усталостью и ложно понятым приличием, с другой, – позволяют «бестии» Персюкову и владельцу паточного завода «околпачить» проверяющих. Так, «нежный тон» и «любезные манеры» Персюкова отличались уверенностью и определенностью, «сладкие» уговоры были одновременно очень решительны. Психологический рисунок образа довершалось впечатление от глаз героя, острое, пронизательное выражение которых резко контрастировало с заискивающим тоном и фальшивой улыбкой. Взгляд хозяина дома, брошенный мимоходом на лицо Ивана Петровича, был «внимательный, испытывающий, как у осторожного доктора, который прописал больному новую микстуру и наблюдает за ее действием» [1, 163].

Фальшивое гостеприимство заводчика из рассказа «Патока» тоже выдают «холодные» глаза и «проскальзывающая» улыбка, которые вкупе с излишне любезным обхождением беспокоят Белкина. «...Как прилажено! Вот Лукулл...» – не ускользает от внимания инспектора. – «Он мог бы сказать иначе, но так все спуталось в усталой голове» [2, 505]. В целом плотность и точность портретных характеристик в рассказе Шмелева не уступает Купринским. Более того, анти-

теза как системный элемент поэтики распространяется и на описание внешности персонажей: «Под окном прошел кто-то в оленьей дохе. Белкин ждал, что придет [...] обсаленный, ядреный и красномордый, а тут вдруг доха и пенсне. Насторожился» [2, 501].

Сюжетно-композиционное сходство рассказов обнаруживает также сквозной мотив искушения. Соблазн в обоих случаях связан с грехом чревоугодия и сладострастия. Искушение плотью оказывается роковым для героя Куприна, ловко обманутого ласкающим взглядом, интимной улыбкой и аморальными рассуждениями госпожи Персюковой. Плотские впечатления, так подействовавшие на Ивана Петровича, в похожей ситуации Белкин переживает больше как эстетические, чем эротические. И хотя от его внимания не ускользают ни продолговатые глаза «затянутой» горничной с «остро брошенными бровями», ни игривый поворот высоких каблучков, ни голубые чулки с черными звездочками, говорить о безнравственности героя не приходится. «Славенькая», – подытоживает свои впечатления Белкин, с горечью вспоминая пропахшую жжеными перьями и мылом Лукерью. Показательно, что в обоих рассказах искушение имеет музыкальный «подтекст». В «Негласной ревизии» граммофон исполняет песню на стихи А. Н. Майкова «Ах, люби меня без размышлений», словно «реабилитирующую» недозволенные запросы человеческого тела: «Все забудь, все брось, мне весь отдайся» [1, 169]. В «Патоке» граммофон навеивает «сон и любовную лень» [2, 518].

Однако за схожими художественными формулами – отчетливое различие авторских голосов. Куприн далеко не всегда сочувствует своему герою, с иронией изображая свойственные ему слабости, в то время как «маленький человек» Шмелева показан писателем с большим состраданием и вниманием к его самым повседневным нуждам и потребностям. Для этих целей как нельзя лучше подходит антитеза, которая, как уже отмечалось, в «Патоке» оказывается концептуальным приемом, реализующимся практически на всех уровнях художественной системы: сюжетном, композиционном, образном и идейном.

Разноплановые противопоставления сходятся уже в названии рассказа, антитетичная семантика которого оказывается шире значения слова «патока». В контексте шмелевского рассказа сладость оборачивается ядом, обходительность – вероломством: «Безобидная, на первый взгляд, патока становится символом деятельности заводчика, «обсахарившего» многие сферы жизни и совесть отдельных людей, включая и Белкина <...>» [2, 83].

На противопоставлении строятся первые впечатления податного инспектора по прибытии на место, начиная с грязно-серого домишки чайной лавки, унылой деревеньки с «засоломленными» окнами и черного, «всхлипывающего» нутра паточного завода, заканчивая зеркальными окнами «ро-

зового дома» инженера. Социальный контраст находит продолжение в пейзаже: грязный снег станции и залитый патокой из лопнувших бочек на заводском дворе разительно отличаются от чистого, «похрустывающего» снежного покрова у господского жилья. Добротная обстановка усадьбы заводчика с молодой «затянутой» горничной Дарой так контрастировали с обтрепанной мебелью квартиры Белкина и «мазаной» прислужкой Лукерьей, что герой невольно завидовал: «...Как живет!» [2, 516].

Концептуальный смысл в художественном пространстве шмелевского рассказа имеет антитетическая семантика понятия «дело». Не случайно в разных вариациях «дело» в произведении возникает одиннадцать раз. Функциональная нагрузка указанного понятия служит сравнительной характеристике главных героев рассказа, создавая напряжение смысловых полюсов художественного пространства, своеобразный «семантический фон» (В. В. Виноградов) произведения. Для добросовестного Белкина дело связано с неукоснительным исполнением служебного долга, тогда как откровения о деле владельца крахмального предприятия обнажают его хищническую природу: «Иди, обламывай, выводи в форму! Спячка – буди, упорство – крути, накладывай узду! Пищит, хрюпает – никаких! <...> Качай, а там жизнь найдет равновесие» [2, 506].

Особый смысл в контексте обоих рассказов приобретают антитетические мотивы встречи и расставания. Роль последнего значительно вырастает в соотношении его с «парным» мотивом встречи, тяготея к семантической многозначности и символичности. Идейно-художественная нагруженность указанных мотивов особенно важна для постижения характеров главных героев. Обстоятельства прощания Ивана Петровича с женой Персюкова представляют собой позорное бегство униженного и опозоренного неудачника. Однако драматическая, на первый взгляд, ситуация превращается в лицемерный и непристойный фарс, когда герои снимают «маски». Важно отметить, что на протяжении рассказа Иван Петрович не эволюционирует. Его деградация кажущаяся, финал рассказа только обнажает действительную сущность героя, в «сладолюбии самобичевания» дошедшего до удивительно честной самоаттестации: «пижон». В то же время переживания податного инспектора из рассказа Шмелева, сложно и разнообразно представленные, оттеняют душевную драму героя.

Скрытый смысл мотива расставания в «Паток» особенно явственно раскрывает образ-символ метели, соединяющий реалистический и нереалистический планы повествования. При этом движение сюжета в сторону бытийно-символического содержания не противоречит социальному контексту произведения. Здесь одинаково важен и конкретный природный, и метафорический смысл: «Жмурил глаза и как будто со стороны видел, как ползут в огромных полях

маленькие сани, маленькая, как муха, лошаденка, маленький-маленький, как головка обожженной спички, Михей, а кругом крутится, и сыплет, и гонит неведомо куда. Вот-вот накроет. Прыгает по полям на мягких лапах огромный неведомый зверь в черноте. Убежал. И опять близится» [2, 528].

В рассказе Шмелева социально-конкретная, житейски мотивированная обстановка ревизии связана с символически-метафорическим планом повествования, в контексте которого незначительная в сущности неудача податного инспектора может быть осмыслена как трагедийность «"человека вообще" [...] в "мире вообще" [...]» [4, 54]. Закономерно, что концептуальную роль в художественном пространстве произведения играет мотив смерти и семантически близкие ему мотивы сна и усталости.

Рассказ начинается упоминанием о смерти от скарлатины сына владельца чайной лавки. На заводе выяснилось, что ядовитые испарения и бесконтрольное потребление вредной глюкозы за восемь лет унесли жизни более десяти рабочих. Слова сторожа об умирающей дочери начальника станции замыкают рассказ.

Измученный бессонными ночами, полуголодный герой Шмелева на протяжении всего повествования оказывается погруженным в странно-сомнамбулическое состояние сродни сну или смерти. Не случайно метельные эпизоды аккомпанируют спутанному сознанию податного инспектора. Предельная усталость провоцирует расстройство восприятия, когда реальность приобретает фантастические формы, привычные действия даются с трудом и совершаются почти автоматически: «У Белкина качнуло перед глазами. Он провел по лицу и пришел в себя. Нет, ничего. Инженер курит и говорит про какую-то глюкозу. Сидел и слушал, стараясь не закрывать глаз, и глядел в лампочки. Чуть шевелились они, пускали усики и расплывались в пятна. А в ушах постукивали шарики, кокали и откатывались» [2, 519].

Образ-символ костяных шариков как вариация универсального культурного знака, связанного со смертью, находится в тесном взаимодействии с мотивами сна и усталости. Так, изможденному инспектору слова инженера казались «крепкими костяными шариками: подкатывали к уху, щелкали, отскакивали с сухим треском» [2, 508]. На память пришел и заводской рабочий, у которого «точно все перетряхивалось внутри, как камешки» [2, 509]. Сам процесс приготовления глюкозы из картофельного крахмала в восприятии Белкина явно мистифицирован: «В этой всхлипывающей, гулкой и знойной полутьме металась тень с пятнами голых грудей, шнурки крестов – не мог разобрать Белкин. Метались, терлись вокруг урчащих баллонов, засматривались в мертвые их глаза» [2, 522].

Сон как природная реакция на многодневное перенапряжение физических сил в рассказе Шмеле-

ва приобретает дополнительную семантику «сна совести». Проницательный и добросовестный податной инспектор подавляет чувство долга не только в угоду «приятельским отношениям», но и с оглядкой на чиновную шишку Петрова. Там, где в рассказе Куприна щегольство, эгоизм, рисовка и лень, у Шмелева – муки совести от неисполненного долга и новый для повествования о «маленьком человеке» «омут бытия» (В. В. Полонский).

Спустя пять лет после «Гражданина Уклейкина» (1907) в «Патоке» обнаруживаются те же новые подходы к представлению картины мира и судьбы героя, что и в известном рассказе. «Дело в принципиально новом качестве реальности, окружающей, «обуревающей» и «предопределяющей» героя, той самой реальности, от которой прежних «маленьких людей» русской литературы оберегали шинели и футляры» [4, 53], – пишет о «Гражданине Уклейкине» В. В. Полонский. Осмелимся утверждать, что в «Патоке» за социальными смыслами тоже просматривается «коренной надлом самого бытия, обличенный в образ активной и хищной стихии» [4, 53].

И у Шмелева, и у Куприна традиция изображения «маленького человека» подверглась трансформации, конкретизируясь в акте творческого самоопределения. В целом разнонаправленные, изменения временами приводили к похожим результатам. Литературные типы «маленьких людей» в творчестве обоих авторов обрели новые качества. Так, к некоторым из них применимо определение «мечтатель», иногда с оттенком босячества, знакомого по произведениям М. Горького (к примеру, Левонтий Бузыга («Конокрады», 1903) и Дмитрий Уклеикин («Гражданин Уклеикин», 1908)).

Результаты художественных поисков писателей были подхвачены символистами, в творчестве которых «маленький человек» изменился до неузнаваемости (А. Белый, Ф. Сологуб). Легендарный литературный образ не потерял своей актуальности и в искусстве нового времени.

Тип купринского Ивана Петровича вполне мог эволюционировать в деспота, пользоваться неограниченной властью и не без удовольствия попирает права подчиненных. Вариацию такого рода представляет собой образ следователя госбезопасности Льва Федосеевича Опрядкина из романа Г. Н. Владимова «Генерал и его армия» (1994). Герой-литературовед по прозвищу «писучая жилка» безошибочно распознает в старшем лейтенанте «маленького человека», который воспользовался самым примитивным из всех предоставленных ему прав: «быть тираном».

Большой тиран «маленький человек» Иван Кузьмич Каблуков, герой романа Т. Н. Толстой «Кысь» (2000). Здесь память жанра взывает не только к утопии и антиутопии, но и к истокам натуральной школы и ее знаковому произведению. Главный герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1842) Акакий Акакиевич Башмачкин слабо, но все же различим в «синтетической» аллюзии Каблукове. Зато в художнике Тетелине из романа В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) черты классического образа воспроизводятся почти «дословно». Твидовые брюки как предел желаний маленького (читай мелкого) человека в полном согласии с классической традицией привели его к гибели. Духовная нищета «маленького человека» нового времени очевидна для героя-повествователя: «Как тип Акакий для нас лишь предтип и классики XIX века рановато поставили на человечке точку, не угадав динамики его подражательного развития [...]. Мелкость желаний обернулась на историческом выходе мелкостью души» [5, 63].

Таким образом, литературные типы «маленьких людей» в творчестве Шмелева и Куприна хотя и обрели новые качества, в целом органично отражали этапы и логику развития темы в русской литературе. Развивая реалистический потенциал образа, прозаики опирались на традиции Пушкина, Гоголя и Достоевского. Чеховская линия известной темы воплощалась в героях, склонных к душевному оскудению и сделкам с совестью. Новый тип «маленького человека» был началом движения к обновлению традиционного реализма и формированию новых канонов литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприн И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Куприн. – М. : Худож. лит., 1957. – Т. 1. – 590 с.
2. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 12 т. / И. С. Шмелев. – Сибирская Благозвонница, 2008. – Т. 2. – 637 с.
3. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга : Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. – 344 с.
4. Полонский В. В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева / В. В. Полонский. – Наследие И. С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Материалы Международных научных Шмелевских чтений. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 51–57.
5. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. – М. : Вагриус, 2003. – 269 с.

Московский городской психолого-педагогический университет (МГППУ)

Дзыга Я. О., доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций
E-mail: disava@yandex.ru

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Dzuga Y. O., Doctor of Philology, Professor of the Linguodidactics and Crosscultural Communications Department
E-mail: disava@yandex.ru